

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Потенциал психологии в развитии негосударственного общества

Д.К.

2018-11-05

Д.К.

Потенциал психологии в развитии негосударственного
общества
2018-11-05

Скопировано 2018-11-05 с

<http://www.aitrus.info/node/5167>

ru.theanarchistlibrary.org

Задумывались ли вы над тем, какие условия нужны для возникновения у людей осознания того, что государство — это рудимент, который мешает естественному развитию общества? Что должно произойти, чтобы созрело понимание того, что люди способны самоорганизовываться, решать все существующие в жизни общества вопросы сообща, без участия специально обученных дяденек в пиджаках?

В книге «Вести ниоткуда» Уильям Моррис, описывая то, как было построено негосударственное, свободное общество, в которое попадает главный герой, дает понять, что путь к своей свободе и независимости долгий и очень непростой. Герой Морриса узнает, что для того, чтобы сейчас люди друг друга называли «соседи», чтобы они не зна-

ли, что такое нищета, что такое деньги и неравенство, им пришлось долго и упорно бороться. Говорится, что в прошлом была революция, которая свергла монархию и установила власть государственных социалистов. Затем была так же долгая борьба уже с бывшими революционерами, которые, будучи государственниками, продолжали узурпировать народ, и не было речи о трансформации государственного социализма в негосударственный. Не обошлось и без гражданской войны, но свобода взяла верх. В том описании есть важный момент, который приводит для нас Уильям Моррис. Он говорит, что когда рабочие увидели, что ни чиновники, ни капиталисты больше не командуют, многие ожидали, что среди рабочих начнется беспредел, что без руководства рабочие начнут вести себя, как животные. Так бы и было, отмечает автор, если бы до этого не были распространены среди народа идеи социализма. Более того, персонаж Морриса делает вывод, что если бы революция случилась бы раньше, общество бы развалилось, так как психологически ещё не имело бы представления об альтернативе.

Такую ментальную закалку, формирование представлений об альтернативе государству и подчинению способна дать психология. Но в этом и проблема. Психология имеет все ресурсы для развития анархического общества, но в настоящий момент идет по совершенно другим дорожкам.

Условно говоря, можно сказать о существовании государственной психологии и о потенциальном существовании анархической психологии, негосударственной.

В настоящее время вариант использования психологии с позиции государства является наиболее распространенным. Если мы посмотрим на реалии России, то увидим, что с психологией в нашей стране дело обстоит почти безысходно. Это либо психология в государственных учреждениях, либо лютая психологическая коммерция.

Психология в государстве: психолог в школе, психолог в тюрьме, в полиции, в МЧС, психолог в ВУЗе. В этом варианте наблюдается встроенность психологов в государство, они являются частью системы и служат ей. Государственный психолог приобретает профессиональную деформацию в связи с работой в данных структурах: психолог, работающий в школе, будет защищать школу, психолог, работающий в тюрьме – исправительную систему. И не только защищать, но и строить, укреплять позиции государства, формируя нужные ему модели поведения, мышления, ценности. Кроме того, в сознании такого психолога плотно оседает бюрократия и всеобщая государственная показуха. В связи с этим, он будет легко фабриковать дела, писать психологические заключения, составлять психологические портреты, исходя из выгоды для государства. В лучшем случае, работа государственных психологов — пустота. Антрополог Дэвид Грэбер использует понятие «bullshit jobs», которое означает бессмысленную работу, которая не несет реальной пользы обществу. Он говорит, что сам лично слышал от многих людей разных профессий, что они на своих рабочих местах выполняют свои обязанности намного меньше по времени, чем предполагает рабочий день, а из той деятельности, которую они выполняют, большая часть просто никому не нужна. К такой категории смело можно отнести и работу психолога в государственных учреждениях. Один мой друг, который работал в государственной психологической организации, поделился со мной своими наблюдениями. В частности он рассказал о том, как посещал собрания комиссии по делам несовершеннолетних (КДН). Собственно, психологов их организации заставляли присутствовать там. На КДН выносятся случаи правонарушений со стороны несовершеннолетних, насилие в семье и прочие истории такого типа. Но люди, составляющие комиссию, не хотят ничего решать, они, по большому счету,

равнодушны к разбираемым ситуациям. Само заседание КДН, по его впечатлению, представляет собой пустые разбирательства и переливание из пустого в порожнее. Члены комиссии с грозным видом говорят очевидные вещи, морализаторствуют, но сами только стараются не уснуть от скуки. По его словам, люди, работающие в этой структуре, совершенно оторваны от реальности. На ум приходит фраза из фильма Вачовски «Матрица» — «The Matrix has you», люди погрязли в системе.

Я и сам работал в государственной организации социальной и психологической помощи семье и детям. Это также bullshit job. Ты большую часть времени должен делать вид, что ты хоть чем-то занят. Твои коллеги заняты ровно тем же самым. Ну, а когда у тебя появляются клиенты, то самое главное, что ты должен сделать — написать отчет о проделанной работе. Никого не волнует реальность, всех волнуют отчеты. Впрочем, это очевидная часть государства, гнилая, всем известная и скучная.

При всей своей «огосударствленности», казенная психология в то же время находится на задворках системы. Так, например, психолог в школе не относится к педагогическому персоналу, а приравнен к завхозу или уборщице. У него часто нет своего кабинета, он проводит индивидуальное психологическое консультирование в коридоре (из реальной истории моего знакомого психолога в школе). Руководство школы не понимает (или не хочет понимать), чем психолог занимается и зачем он вообще нужен. Поэтому администрация может направить к нему людей с самыми разными проблемами, не вдаваясь в квалификацию, подготовку этого самого психолога: «Тыжпсихолог, тебя там научили консультировать. Ну, вот давай...». Как-то мой знакомый психолог, работающий в школе, рассказал, что его обязали проводить доабортное консультирование, хотя он совершенно не имел для этого должной подготов-

ориентированная терапия Арнольда Минделла, телесно-ориентированная терапия Александра Лоуэна или танатотерапия Владимира Баскакова и многие-многие другие прямо или косвенно направлены на обретение человеком внутренней свободы, развитие собственного критического мышления, гармонизацию с самим собой и с другими. Я убежден, что вовлечение психологов в ту деятельность, для чего они изначально предназначены — помощь людям в обретении себя, поможет многим иначе посмотреть на существующую ситуацию, принять во внимание альтернативные варианты развития общества и шаг за шагом преодолевать стереотипы государственного мышления.

Д.К.

Литература

1. Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии.
2. Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии.
3. Зерзан Дж. Первобытный человек будущего.
4. Келлерман П.Ф. Психодрама крупным планом: Анализ терапевтических механизмов.
5. Минделл, А., Минделл Э. Вскать, задом и наперед.
6. Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия.
7. Обухова Л.Ф. Детская психология.
8. Хеллинггер Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий.
9. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности.

ки (представьте, если на операцию на сердце направят к стоматологу). Он же рассказал, что психологи работают по госзаказу: за год обязаны обслужить 500 человек, иначе «будет плохо всем». Как вы понимаете, чтобы выжить в этой системе, нужно выискивать себе клиентов. Психолог, чтобы набрать нужное число клиентов, будет «кошмарить» тех, кто потенциально к нему может попасть (например, школьников и их родителей), стучать краски, ведь ему нужно выполнить план. Так как главное, чтобы была «галочка» об оказанной услуге, лучше делать так, чтобы человек приходил к психологу несколько раз. Например, проведя психологическую диагностику, показать необходимость прохождения психокоррекционной работы. При консультировании — растягивать время решения проблемы клиента на столько сеансов, сколько возможно. Подбрасывая в сознание клиента мысли о сложности ситуации и невозможности решения её самостоятельно, формировать выученную беспомощность, несамостоятельность и зависимость от психолога. Такой путь приводит к невротизации населения, то есть делает ровно противоположное тому, для чего психология предназначена. А у самого специалиста формируется отвращение к психологии из-за её лживости и лицемерия и профессиональное выгорание.

Таким образом, ко всему прочему, психологи как бы выключены из системы, находятся сбоку. Вроде должны быть, но сама система не особо знает, как и чем их занять. В итоге основная функция психологии в государстве — быть на подхвате, на побегушках. Психологи государственных служб — это либо изгои, либо «шестерки» государства. Отсюда и берутся все эти психологические экспертизы, при которых «психологи» находят «признаки экстремизма» в картинках во «Вконтакте», в твитах или в текстах песен.

Другая сторона — это полностью коммерческая психология, которая вобрала в себя карикатурные, гиперболи-

зированные минусы капитализма. Сюда входят и платное психологическое консультирование, всевозможные тренинги личностного роста, коучинг для всех и каждого, бизнес-консалтинг, маркетинг и реклама, HR и ещё много всего.

Говоря о коммерческой психологии, я имею в виду тех, кто проводит сомнительные консультации, при которых клиенту рассказывают, по сути, то, что он и так знает, либо говорят очевидные вещи типа «Вы должны поверить в себя», «У вас большой потенциал» или «Нужно смотреть не в окно, а в зеркало» (самоанализ и принятие ответственности за себя скорее повышает ваши успехи, нежели перекладывание ответственности на других или на обстоятельства). И за такие консультации берут около 5000 руб. за сеанс. И таких «бизнесменов» от психологии пруд пруди. Или другой пример, когда вроде бы академический психолог, доктор наук (эх, с удовольствием посмотрел бы экспертизу этой докторской активистами «Диссернета»), преподаватель, решает тоже заняться бизнесом, и консультирует первых лиц различных бизнес-организаций с немного большим ценником (по разным источникам от 40 до 80 тысяч руб. за час). При этом если убрать умелый маркетинг и наведение транса, в этой консультации останется разве что те же советы, как быть уверенным в себе, либо (что ещё чудовищнее), как ещё больше выжить соков с подчиненных, обмануть партнеров и всучить всего побольше потребителям.

Сюда же относятся всевозможные околонучные семинары и групповые тренинги, которые также стоят денег, но основаны исключительно на харизме тренера, на его умении убеждать. К таким сомнительным тренингам я отношу, например, метод расстановки по Берту Хеллингеру. Вывод делаю после изучения парочки его книг, просмотров видео с его сессий, и изучения его биографии. Не исключаю, что

Потенциал психологии очень велик. Речь идет и о научной психологии, и о психологии практической.

Психология научная может дать информацию о том, что с нами происходит. Почему мы подчиняемся (огромный вклад в это внёс Стэнли Милгрэм в своих исследованиях механизма подчинения авторитету)? Почему мы молчим и терпим притеснение? Какие психологические условия и качества необходимы для формирования анархического мышления, т.е. преодоления мышления сквозь призму государственной системы? В книге «Фрагменты анархистской антропологии» хороший пример по этому вопросу приводит Дэвид Грэбер, когда описывает типичный разговор анархиста со скептиком. Скептик просит анархиста привести успешный пример анархии, анархист приводит множество случаев из древности, из других культур, из локальных проявлений в современном мире, но скептик каждый раз недоволен. Он требует в итоге, чтобы ему привели пример анархического государства, т.к. не способен выйти за пределы государственного стереотипа мышления. Грэбер же делает вывод, что нам необходимо отбросить в принципе такой паттерн мышления, и понять, что анархическое общество не будет похоже на государственное, и невозможно представить его через аналогию с существующим, государственным. Вопрос выхода за пределы такого мышления — это вопрос психологии.

Практическая психология в свою очередь дает информацию человеку о самом себе, о его природе, гармонизирует его. Дает информацию о другом, развивает сочувствие. Меняет взгляд на мир через преодоление власти авторитетов, стереотипов, пропаганды. Множество психотерапевтических практик не встраиваются в государственные рамки, просто потому что занимаются личностью, а, значит, свободой человека. Такие направления как гештальт-терапия Фрица Перлза, психодрама Якоба Морено, процессуально-

цивилизацией («Стресс, одиночество, депрессия, скука — все это проявления безумия повседневной жизни», говорит Зерзан), то никак нельзя сказать, что психология и психотерапия всячески способствует укреплению и приумножению этих самих проблем. Зерзан сам говорит о внутреннем потенциале человека и психологических барьерах в виде страха: «Если в кошмаре сегодняшнего дня каждый из нас будет оставаться ограниченным и недалеким, а все мы будем подвержены своим собственным страхам, то можно забыть о пути к избавлению, не принимающем во внимание первостепенность полноты и то, как это полнота существует в нас», — при этом отказывается видеть психологические знания, как инструмент преодоления этих самых страхов.

С моей точки зрения, выводы Зерзана относительно психологии очень опасны для дальнейшего развития анархической мысли, и для распространения анархической практики. Джон Зерзан может быть фигурой спорной (например, он подвергается критике со стороны другого анархиста, Боба Блэка), но в то же время и влиятельной. И в данном случае его взгляды на психологию могут перекрыть направление, хранящее колоссальные ресурсы для анархической практики. Небрежно собрав в один пучок всю мировую психологию и психотерапию, нацепив на неё ярлык “врага свободному обществу”, он может лишить нас множества возможностей для развития, для обретения этой самой свободы. Анархия и без того имеет скромные успехи за всю свою историю, а анархисты, как справедливо отмечает всё тот же Боб Блэк, «являются одной из главных причин — я подозреваю, что одной из самых значимых причин, — почему анархия остается эпитетом без малейшего шанса на реализацию». Поэтому не стоит рубить с плеча потенциал психологии. Давайте разбираться.

конкретно Хеллингеру удастся как-то повлиять на людей, но никакой четкой и понятной концепции у него нет. А есть, по сути, наукообразные термины и околорелигиозные техники, которые смешиваются с эффектом плацебо и механизмами, схожими с работой религиозных сект. А если учесть, что всяких тренеров, которые проводят эти самые расстановки, как грибов после дождя, скепсис относительно их подготовки и общей компетенции возрастает в разы.

В последнее время слышу истории о молодых тренерах, которые проводят семинары на темы какой-нибудь общей направленности вроде «Как повысить свою личностную эффективность». Мой знакомый, который посетил демо-тренинг такого «специалиста», рассказывает, что профессионализм тренера, да и психолога в целом туда не заглядывал. Он говорит, что данный субъект оскорблял участников, перебивал, занимал экспертную позицию («Я — Д’Артаньян») — в его понимании — это значило «Мотивировать». Судя по всему азы тренингов не для него, про “Не навреди” и в целом про этику психолога он тоже никогда не слышал, а слово «экология» для него — это что-то про цветочки и свежий воздух. Стоимость его суперполезного семинара варьируется где-то около 50-70 тысяч рублей с человека.

Маркетинг и реклама — ещё одна область, в которой активно используется психология. Но о ней говорить не буду, так как она, на мой взгляд, — чистый продукт капитализма. Что тут можно сказать?

Естественно, ни в первом, ни во втором случае речь идет не о всех психологах сразу. Не все психологи, работающие в государственных структурах, лишь делают вид, что чем-то заняты и сочиняют отчеты для начальства. Есть альтруисты и в школах, которые, несмотря на систему, находят силы и возможности помогать детям и их родите-

лям, иногда даже жертвуя своим местом. Есть кризисные психологи, которые работают в МЧС и оказывают первую психологическую помощь, выводят людей из шока, помогают преодолеть последствия психологической травмы при катастрофах, стихийных бедствиях. Не все психологи, которые оказывают платные услуги, являются ушлыми до денег. Есть те, кто не задирают цену, ставят помощь людям на первое место, и, в целом, не обманывают людей, не навязывают им свои услуги, а, напротив, стремятся помочь так, чтобы человеку больше не нужно было обращаться к психологу.

Прежде, чем перейти к альтернативному пути психологии, к той самой скрытой возможности развивать самостоятельность и автономность, хочу осветить ещё одну точку зрения.

Признаюсь, я мало встречал какого-либо прямого анализа роли психологии в развитии гармоничного общества у авторов-анархистов. Наблюдал косвенные упоминания, но никак не прямой текст. И вот прочел эссе Джона Зерзана “Психология масс и страдание”. Он пишет о проблемах психологии, вернее, пишет о том, что психология сама по себе и есть проблема. Я как анархист, как психолог и как человек, который видит, что психология сегодня идёт по совершенно неверным дорожкам, хотя имеет потрясающий потенциал гармонизации общества и развития анархического сознания народа, в корне не согласен с доводами Зерзана.

Он обвиняет психологию в том, что она служит государству, в том, что она не учитывает сочетание социума и личности и в принципе роль социума, концентрируя внимание только на индивидууме: «Мы знаем, что за психическим подавлением и замкнутостью скрывается социальное подавление, причем именно в тот момент, когда в массовых протестах начинают проявляться признаки неми-

равных в ходе групповой работы с клиентами и выполняет все упражнения вместе со всеми, но как бы растворяется, его как бы вообще нет во время сеанса. Минделл делает так, чтобы его присутствие в терапевтической группе было незаметно. Группа самоорганизуется, в ходе сессии участники помогают друг другу, переходя в естественное состояние взаимосвязи друг с другом. Арни Минделл использует понятие «глубинная демократия», согласно которой все люди в своем психическом равны. По принципу глубинной демократии, все элементы жизни человека одинаково важны, иерархии не существует. Важны все точки зрения, и даже нюансы каждой точки зрения. Таким образом, можно сказать, что взгляд Минделла на психику, личность и общество имеет анти-гоббсовский характер. Никакой «войны всех против всех», естественное состояние — это глубинное равенство вообще всех частиц мироздания.

Я не хочу сказать, что идеи Минделла или Морено — это панацея для общества или лучшее лекарство от государства. Но важно то, что их идеи выходят за рамки стереотипа власти, иерархии, «войны всех против всех», то есть, они находятся над государственным мышлением.

Таким образом, в приведенных примерах (Морено и Минделл) наблюдается не только психологическая работа, направленная на освобождение человека, раскрепощение их от навязанных государством и обществом стереотипов мышления и поведения, но и прямая связь с природой (вплоть до погружения себя в состояние первобытного человека в сеансе психодрамы или следуя своему дао), то есть, потенциально Зерзан наоборот мог бы увидеть в психотерапии прямой и действенный выход для своих взглядов (“Первобытный человек будущего” и развитие человека природы, а не человека культуры). И если с Зерзаном можно согласиться в том, что психологические и психические проблемы людей во многом продиктованы

кем угодно, опыт духовного раскрытия, раскрепощения, то есть свободы. Безусловно, так как работа будет строиться из спонтанных побуждений участников, и если у участника государственный взгляд, он может выстроить для отработки своих неврозов и иерархические отношения. Протагонист может вообразить себя королем, а всех остальных сделать своими подчиненными. Однако важна именно создаваемая атмосфера отсутствия ограничений.

Морено исходит из того, что в конечном итоге, все люди стремятся встретиться с богом, а в творческой спонтанности, в реализации своей свободы проявляется божественная энергия созидания. Для Морено «подлинно терапевтический метод не может иметь своим объектом меньшее, чем человечество». Отсюда следует, что в психодраме убираются стереотипы о классовых, государственных или каких бы то ни было иных различиях. Все люди составляют человечество, нечто единое.

Арни Минделл разработал свой процессуально-ориентированный подход на основе даосизма. Ключевое понятие его метода психотерапии — понятие процесса. Согласно даосской традиции, нужно следовать своему дао, самому процессу жизни, т. к. в нем заключен космический порядок. Арни Минделла можно назвать методологическим анархистом, в духе Пола Фейерабенда. В своем методе, помимо даосизма, он использует знания квантовой физики (он сам физик по первому образованию), психологию самых различных направлений, шаманизм и различные архаичные духовные практики.

В ходе работы с группой он не имеет какой-либо четкой инструкции. Все его действия, как терапевта — это ответ на реакции участников сессии. Он следует самому процессу, дао. Отличительной особенностью его ведения группы является позиция, которую он занимает, как ведущий (терапевт). Он не то, что является равным среди

нужной конфронтации с реальностью во всех ее аспектах. Осмысление общественного не должно обозначать игнорирование личного, иначе снова повторится главная ошибка психологии в ее же терминах»; «Психологическое Сообщество рассматривает индивидуума как проблему. Такая идеология порождает социальное закабаление, превосходящее все предыдущие, так как оно отрицает социальное; психология отказывается рассматривать общество, которое несет полную и принципиальную ответственность за те условия жизни, в которых оно вынуждает существовать каждого отдельно взятого человека». Психологию он понимает, как религию, которая способствует уходу общества от реальности: «К сожалению, самым большим «уходом от реальности» является тот, который служит, по большей части, сохранению деформированного современного мира; это то, что Сеннетт назвал „увеличивающейся значимостью психологии в буржуазной жизни“»; «...за явлением в целом (речь идет о росте числа психических расстройств и возрастании популярности антидепрессантов) стоит повышение значимости психологии как господствующей религии». Однако Зерзан упоминает лишь взгляды Зигмунда Фрейда и сводит всё разнообразие психотерапии, и всю психологию именно к нему: «Регулирующие, иерархические нужды бюрократическо-потребительской системы более полувека формировали современные способы контроля и упреждения. Идеология утешения (обязанная большинством своих положений Зигмунду Фрейду), свойственная психологическому мировоззрению, где собственная личность является основной формой реальности, оказалась полезной для нужд такого контроля».

Во-первых, переносить изначальные идеи психоанализа начала XX века на современную психологию без понимания динамики идей и в целом исторического контекста, на мой взгляд, некорректно. Нужно учесть, что психоанализ

З. Фрейда зародился в Вене начала XX века, в консервативном, патриархальном обществе. Из-за этого, кстати, его открытие детской сексуальности воспринималось современниками в штыки.

Во-вторых, психология — это не только Зигмунд Фрейд. Конечно, классический психоанализ находил своё продолжение в ближайших и самых верных последователях, таких как Анна Фрейд и Вильгельм Райх, но при этом уже первые ученики основателя психоанализа (А. Адлер и К.Г. Юнг) отошли от его взглядов и развивали собственные идеи. Так что даже в самом начале психоанализа происходит дифференциация идей, и мы уже не можем говорить о прямом влиянии Фрейда на всю психологию. У Зерзана же (психоанализ, как идеология утешения; «Эдипов комплекс» выдает в Фрейде «законченного гоббсианца») представлено вульгарное понимание этой концепции и психологии в целом (повторяю, за всю психологию отдувается один лишь Фрейд). Теорию Фрейда Зерзан видит, как помощницу государства в подавлении личности: «Как говорил Фрейд, вся система психоанализа основывается на теории принудительного подавления; совершенно очевидно, что идея власти в этой теории также получает поддержку». Ощущение, что Зерзан знакомился с психоанализом по популярным журналам, периодически претендующим на психологию отношений, типа *Cosmopolitan*, или видел в работах Фрейда то, что хотел увидеть.

Что касается социума (якобы психология зациклена на личном, не принимает во внимание социум, его роль и влияние), то Зерзан не упоминает, что уже ученик Фрейда, Альфред Адлер, разрабатывая свой подход примерно в одно время с Фрейдом, уже говорит о влиянии социума. Согласно теории Адлера, личность человека формируется на основе социальных отношений, а жажда власти и стремление к подавлению других — это патологическая

компенсация комплекса неполноценности. А ученик Анны Фрейд, Эрик Эриксон, окончательно выходит на социум и говорит о психосоциальном характере развития личности (вся его концепция развития личности — это отношение «Я» и общества).

Зерзан говорит о том, что психотерапия — это исключительно форма общественного контроля, инструмент подавления. Она имеет вертикальный характер, т. е. выстраивает отношения «власть — подчиненный», где власть — это психотерапевт, подчиненный — клиент.

Так вот, что касается его заявления о вертикальном характере и инструменте подавления, сразу на ум приходят имена Арни Минделла и Якоба Морено. Оба эти психотерапевта отличаются тем, что строят работу с клиентами горизонтально, помогая участникам, по сути, обрести контакт со своей природой, вести себя спонтанно и тем самым попадать в гармонию (условно говоря) с Космосом.

Якоб Леви Морено, основатель метода психодрамы, начал свою практику ещё в 1915 году, т. е. в период раннего психоанализа. Морено использует принцип «спонтанности» для высвобождения своего человеческого, своих желаний, мыслей и чувств. В ходе психодрамы выявляется протагонист, участник, который психологически наиболее готов работать со своими психологическими проблемами. Остальные участники будут его ассистентами. В ходе сеанса клиенты меняются ролями, давая себе возможность встать на место другого. Поощряется вести себя спонтанно, тем самым реализуя свободу быть собой. Через спонтанное творческое выражение, согласно Морено, происходит выход на более глубокий уровень сознания. В ходе сеанса возможно всё, участники не связаны никакими рамками, они выходят за пределы своих ограничений, которым они следуют в обществе. Стираются понятия иерархии, власти, подчинения. Участники могут получить опыт быть